

#_285

А. Воронский.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ.¹

Г. Д. Уэльс о советской России.

("Россия во мгле". Перевод с английского с предисловием кн. Н. С. Трубецкого. Российско-болгарское книгоиздательство. 1921 год, 96 стр.)

I.

Осенью 1920 года Г. Д. Уэльс побывал в советской России и по возвращении в Англию поделился с читателями впечатлениями, вынесенными из этой поездки, выпустив книгу "Россия во мгле". Книга Уэльса вызвала бурю негодования в русских эмигрантских белогвардейских кругах. В Бурцевском "Общем Деле" Ив. Бунин поместил длинные злобные статьи; такие же статьи были помещены в "Руле" и в ряде других зарубежных белых газет. Можно сказать, что ни одна из книг о большевиках не возбудила столько шума за границей, как книга Уэльса о России. Это вполне понятно.

Уэльс рассказывает: "...мы (с сыном, А. В.) совершенно свободно и самостоятельно ходили повсюду и... нам показывали все, что мы только желали видеть.

#_286

В качестве переводчика и проводника к нам назначили одну даму, которую я встречал в России в 1914 году, племянницу одного из прежних русских послов в Лондоне. Она получила воспитание в Ньюхеме, пять раз была подвергнута тюремному заключению большевистским правительством" (стр. 1 - 2).

Уэльса предупреждали за-границей, что большевики будут тщательно подстраивать все, что он увидит. Не было особого недостатка в таких предупреждениях и в Петрограде. "На собрании литераторов в Петрограде, - сообщает Уэльс, - известный писатель Амфитеатров обратился ко мне с длинной и исполненной горечи речью. Он страдал общим предубеждением, думая, что я слеп, глух и что меня обманывают. Он требовал, чтобы все присутствующие сняли с себя свои сравнительно еще приличные пальто, чтобы я увидел скрывающиеся под ними подобию одежды. Это была очень тягостная реч..." (стр. 12). В другом месте Уэльс замечает: "скрыть суровое и ужасное истинное положение вещей в России невозможно".

Описанию этого "сурового и ужасного положения" Уэльс посвящает добрую половину своей книги.

---

¹ «Красная новь», №1, 1921 г., с. 285-291.

"Преобладающие впечатления, вынесенные нами из России, - это впечатление огромного, непоправимого крушения".

"Гибнущий Петроград" - так озаглавлена одна из глав книги английского писателя. Уэльс рассказывает о пустующих магазинах, о закрытых рынках, о безлюдных улицах, о сокращенном до минимума трамвайном движении, о голоде, о тяжелом положении интеллигенции и людей науки, о разрухе транспорта, о крайней нужде в предметах первой необходимости во всех классах населения, о растрелах и суровости чрезвычайных комиссий, о голодных хлебных пайках, холоде и т. д.

"Разрушение, это - основной факт современной русской жизни" (стр. 31). "Если настоящее положение вещей продлится еще год или два, то страна погибнет окончательно. В ней не останется никого, кроме мужиков; опустевшие города превратятся в развалины и железные дороги будут ржаветь в полном бездействии. Вместе с железными дорогами исчезнут и последние остатки государственной власти" (стр. 92).

Однако, Уэльс не склонен думать, что это только русское национальное явление. В России достигло "до чудовищных размеров" то, что есть уже в Англии и в ряде других стран. "Насколько я себе представляю, Западная Европа, может быть и в настоящее время идет к той же катастрофе. Война, спекуляция и всеобщая разнузданность, может быть, и поныне расточают больше того, что производит Западный мир; и в таком случае наше собственное крушение... есть только вопрос времени..." (стр. 32).

К вопросу о гибели "цивилизации" мы еще вернемся в конце настоящей заметки, а теперь посмотрим, как Уэльс объясняет в своей книге российскую разруху. Русская катастрофа, по мнению Уэльса, была подготовлена мировой войной и умственной несостоятельностью правящих и богатых классов. "Что касается союзников, то они, думая только о войне, занимались тем, что уговаривали русских предпринять новое наступление против Германии, когда все признаки катастрофы были уже налицо". Между прочим, Уэльс отмечает следующий факт: "Когда Германия решительным натиском продвинулась к Петрограду через Балтийские провинции и морем, Британское адмиралтейство, либо просто из трусости, либо по роялистическим проискам, не сумело оказать России сколько-нибудь действительной помощи. Этот факт достаточно освещен свидетельством покойного лорда Фишера" (стр. 36).

В дальнейшем российская разруха питалась и поддерживалась блокадой и вмешательством союзников.

"Не коммунизм, а капитализм, - пишет Уэльс, - построил эти огромные невозможные города. Не коммунизм, а европейский империализм толкнул эту огромную империю в изнурительную шестилетнюю войну. И не коммунизм подверг страдающую Россию серии последовательных рейдов, нашествий, восстаний и ужасной блокаде. Мстительный французский кредитор, глупый британский журналист гораздо более ответственны за эти смертельные страдания, чем всякий коммунист" (стр. 14).

Да не подумает читатель, что Уэльс - коммунист или сочувствующий. Ни в какой мере. Большевики прежде всего марксисты, а к Марксу Уэльс не питает никакого... "лицемерного уважения". "Я его считал самым скучным человеком на свете" (стр. 40). "Я должен признаться, что мой пассивный протест против Маркса превратился в России в активную ненависть" (стр. 41). Все рассуждения "о пролетариате и буржуазии" кажутся Уэльсу смешными, все это "нереальные фикции".

Нужно сказать, что Уэльс расправляется с теорией классовой борьбы чрезвычайно просто. "Строительное общество строит дом для какого-нибудь квалифицированного рабочего; этот последний хочет посмотреть, как подвигается постройка, и с этой целью едет в поезде, которым правит машинист. К которому из двух классов принадлежит данный квалифицированный рабочий - к трудящимся или нанимателям? Все это чрезвычайный вздор" (стр. 41).

Недавно в Англии была грандиозная стачка углекопов. Едва ли можно сказать, что это гигантское столкновение происходило между "нереальными фикциями", каковыми представляются почтенному английскому писателю "буржуазия и пролетариат". Но это между прочим. Для нас важно подчеркнуть, что Уэльс во всяком случае более чем далек от коммунизма. Русские коммунисты Уэльсу представляются весьма наивными людьми. Они наивно верят в наступление социалистического рая на земле - в то, что вот-вот пролетариат на Западе захватит власть в свои руки. Нужно ли доказывать, что в этих своих рассуждениях Уэльс выступает пред нами, как средний английский буржуазный обыватель. Подобной наивности у нас, разумеется, нет. Мы, коммунисты, прекрасно знаем, что живем в капиталистическом окружении, что в силу этого окружения и огромного преобладания мелких крестьянских хозяйств в стране, впадших в обнищание, в силу развала промышленности, Советская власть должна идти по пути уступок свободной торговле, что означает насаждение капитализма; мы предвидели опасности, вытекающие отсюда, - но знаем также, что пока все это происходит под контролем социалистического государства, такой капитализм не страшен трудящимся. Мы знаем также, что пролетарская революция не делается по заказу и не верим в "моментальный рай" на земле.

Популярный английский писатель ошибается, приписывая нам наивность, от которой он страдает больше всего сам. Тем ценнее, однако, его замечания о Советской власти и коммунистах, ибо они исходят от человека, относящегося к коммунизму отрицательно.

Помимо наивности Уэльс считает Советскую власть самой неопытной властью, которая когда-либо существовала. "Большевистское правительство самое смелое и вместе с тем самое неопытное правительство в мире; по некоторым вопросам оно очень мало сведуще, а по большинству - проявляет полнейшее невежество. Оно до смешного подозревает всюду капиталистические козни, и этот страх делает его иногда очень жестоким" (стр. 40). Очень любопытен отзыв Уэльса о петроградском совете, на одном из

заседаний которого он присутствовал. По мнению Уэльса, это был просто многолюдный митинг. "Своей неработоспособностью, бесформенностью и отсутствием внутренней организации петроградский совет столь же отличается от английского парламента, как мешок, наполненный разной величины колесиками, отличается от старомодных, плохо сделанных, но все-таки работающих часов" (стр. 75).

За всем тем Уэльс считает, что большевистское правительство единственное, способное спасти Россию от развала.

"Советское правительство неопытно и неумело до крайности; оно прошло через периоды насилия и жестокости, но в общем оно честно, и в его среде есть люди, действительно, обладающие творческими силами, которые могут при благоприятных условиях успешно работать над восстановлением России. В общем большевистское правительство старается действовать в согласии со своими принципами; большинство сторонников большевизма до сих пор держится этих принципов с фанатической страстностью. При помощи извне большевики могут в конце концов установить в России более или менее цивилизованный государственный строй.

#_288

"Вероятно, этот строй будет представлять из себя умеренный коммунизм, с сильно развитым транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством" (стр. 93). Уэльс знает, что в России голод и холод, но "в Вене положение несколько не лучше; там тоже такие люди, как покойник проф. Маргулес, гибнут от голода. Если бы Англии пришлось выдержать еще 4 года войны, вероятно, то же самое происходило бы в Лондоне" (стр. 93).

Большевики - единственная группа людей, у которых одна и та же общая вера и общая воля. Им чрезвычайно помогает одно: их привычки мыслить коммунистическими идеями. Большевики упрочили свое положение в стране, восстановили порядок, уничтожили грабежи, создали мощную русскую армию, передали землю крестьянам. Уэльс считает дальше, что введение карточной системы - мера совершенно правильная. "Если большевики будут свергнуты, и какое-нибудь другое правительство, безразлично, какое, займет их место - ему придется сохранить установленную большевиками продовольственную систему" (стр. 57).

Что касается других партий и классов, то отзывы Уэльса для них неблагоприятны. "Огромное большинство населения России состоит из совершенно неграмотных крестьян, грубо материалистически настроенных и совершенно равнодушных к политике". Другие классы представляют из себя пеструю смесь людей, не связанных друг с другом никакими общими идеями, никакой общей волей к действию... Русские беженцы в Англии представляют из себя нечто достойное презрения... Ничего другого, кроме царя, они не заслуживают, а вместе с тем они даже не могут сказать, какого именно царя они желают".

Во всяком случае большевики совсем не походили на тех, за кого

их выдает "спятывшая с ума часть английской прессы". Ничего таинственного в их идеях, целях и методах нет. Все, о чем пишут большевики, можно найти в лондонской газете "Плебс" или в нью-йоркской "Лабератор". Большевики прямо говорят, говорят о своих идеях и стремятся действовать в соответствии с ними.

"Я принужден считать их прямыми и честными, хотя не сочувствую ни их взглядам, ни их методами" (стр. 39). Таковы взгляды Уэльса на большевиков и Советскую власть.

II.

Как мы уже заметили выше, русская белая зарубежная пресса встретила книгу Уэльса, что называется, в штыки. Н. С. Трубецкой, снабдивший русское издание своим предисловием, заявил: "книга эта должна быть признана вредной". Трубецкой находит, что вся книга пропитана "безграничным презрением к русской душе и России, как к нации. Помимо этого Уэльсу очень хочется торговать, и вот он с точки зрения интересов английского торговца и подходит к русской проблеме. Большевики - люди смелые, энергичные. Англия сможет извлечь из России при большевистской власти значительную пользу; нужно ей помочь извлечь из этой площади земли как можно больше сырья, в котором так нуждается Западная Европа". Таков основной тон статей, заметок и фельетонов и других белых писателей, касавшихся так или иначе книги Уэльса.

Все это совершенно не верно. Презрения к России, как к нации у Уэльса нет. Отметить некультурность крестьян совсем еще не значит презирать нацию. У нынешних зарубежных патриотов, в частности у Ив. Бунина, обрушившегося на Уэльса с особой яростью, можно найти ряд рассказов, повестей, далеко оставляющих позади беглые замечания Уэльса о безграмотности и политической косности крестьянства. Тем более не следует полагать, что доподлинная Россия сводится к той княжеской, полукняжеской, помещичьей, интеллигентской эмиграции, о которой, действительно, Уэльс отозвался довольно непочтительно. Различие между злобствующей эмигрантской накипью и другими кадрами русской интеллигенции Уэльс понимает, повидимому, довольно хорошо. Рассказывая о своем посещении Дома Науки, Уэльс говорит с удивлением, что ему никто не говорил о нужде, хотя нужда проглядывала всюду.

#_289

"Они очень интересовались возможностью получить научные книги и статьи; они более ценят науку, чем хлеб насущный" (стр. 23).

Еще более неверны упреки Уэльса в том, что он подошел к русской проблеме с точки зрения интересов простого английского торговца. Поистине это - ложь. Уэльс настаивает на восстановлении торговых и дипломатических сношений с Западной Европой. Это так. Но почему? Потому, что он предвидит гибель "цивилизации" вообще не только в России, но и во всем мире, если не будет установлен известный "модус вивенди" между миром капитала и советской

Россией. В этих замечаниях Уэльса и заключается, пожалуй, главный интерес книги, и сводить их к торгашеству значит либо ничего не понять в этой книге, либо намеренно затушевывать то основное, под знаком чего мы живем сейчас, что волнует все классы всего мира.

Большой и талантливый английский писатель Уэльс, - весьма далекий от "нереальных фикций" коммунизма, - стоящий обеими ногами на почве современной капиталистической цивилизации, несмотря на все оговорки и критику любящей и ценящей эту цивилизацию, - приехал в советскую Россию. В ней он увидел мертвые города, голод, холод, разрушенный транспорт. Он оказался достаточно умным и честным, чтобы правильно оценить, какую позорную и страшную роль в этой разрухе сыграли "французский кредитор" и "глупый английский журналист", т.е. эта самая современная "цивилизация", "со старомодными, плохо сделанными, но все-таки работающими часами". Увидел и отметил он также то, что эта катастрофа - не есть исключительно русское явление. Ибо он знал и знает, что война, спекуляция и всеобщая разнузданность нисколько не уменьшаются, а увеличиваются, что "спятившая с ума часть английской прессы" продолжает делать дело разрушения, кровавого хаоса и насилия. И за русской нищетой, холодом и разрухой он увидел еще более грозный лик грядущего всемирного оскудения и катастрофы. Он смотрел на полуразрушенный Петроград и думал, что то же самое будет с Лондоном и Парижем, если не прекратится капиталистическое безумие. Именно, эти мысли приходили ему в голову, когда он созерцал закрытые магазины, холодные дома и малолюдные улицы Петрограда. "Западная Европа, может быть, и в настоящее время идет к той же катастрофе... Магазины Режант стрита последуют примеру магазинов Невского проспекта и г.г. Гальсворти и Беннет придется напрягать все усилия, чтобы спасти художественные сокровища Майфар'а..." (стр. 32).

В России Уэльс не нашел общественных сил, помимо большевиков, способных справиться с катастрофой. Но он не потерял еще веры в силы английской и американской буржуазии. Отсюда эклектизм Уэльса. Уэльс полагает, что нужно признать большевистское правительство и помочь ему. "В случае, если такого благотельного вмешательства в дела большевистской России не произойдет, - пишет он, - у нее не останется никаких других перспектив, кроме окончательной гибели последних остатков цивилизации. Очень мало вероятно, чтобы эта гибель цивилизации осталась в своих первоначальных границах; в образовавшийся таким образом провал в цивилизованном мире один за другим будут падать и другие государства к западу и востоку от России и, может быть, вся мировая цивилизация погибнет. Эти утверждения относятся не к какому-то далекому и проблематическому будущему.

"Я постарался с их помощью обрисовать общее очертание тех фактов и тех возможностей, которые с чрезвычайной быстротой развертываются в настоящее время не только в России, но и во всем мире, так, как я их вижу. Именно в рамке этих общих соображений я желал бы представить читателю очерки русской жизни. Так я толкую

надпись на восточной стене Европы" (стр. 96).

Как с очевидностью явствует из приведенного, соображения Уэльса ничего общего не имеют ни с презрением к славянской душе, ни с узким торгашеством. Наши белогвардейские публицисты теряют всякую меру, раз речь заходит о большевиках, и они становятся совершенно неменяемыми, как только кто-нибудь постарается выйти из круга "соображений", что большевики суть агенты Вильгельма и т. д. Уэльс написал много прекрасных, так называемых "фантастических" романов. Он очень любит заглядывать в будущее. Повидимому, в результате своеобразной долголетней

#_290

литературной деятельности у Уэльса образовались твердые умственные навыки и привычки: в настоящем улавливать черты будущего. С этим навыком он подошел и к русской проблеме. На восточной стене Европы он прочитал грозное: "мане, факел, фарес" для буржуазной цивилизации. Выход, по его мнению, заключается в своеобразном симбиозе большевизма и коммунизма с западно-европейским капитализмом. В результате подобного симбиоза в России установится "умеренный коммунизм с сильно развитым транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством". Большевизм откажется от крайностей, но и буржуазные государства со своей стороны откажутся от крайностей капитализма. "Обе стороны будут взаимно влиять друг на друга. Западные государства, вероятно, начнут прибегать к более коллективистическим способам управления и в то же время своим влиянием будут умерять крайности коммунистического строя в России" (стр. 95).

В силу сказанного Уэльс предлагает вести торговые сношения с советской Россией через посредство национальных и даже международных трестов.

Русские белогвардейцы, писавшие об Уэльсе, старательно обходили и замалчивали все, что сказал Уэльс о грозных опасностях для цивилизации, а между тем на этих мыслях Уэльса необходимо остановиться и сосредоточить внимание в его книге.

Мы, коммунисты, тоже полагаем, что капитализм в его новейшей империалистической формации грозит гибелью всей цивилизации, всей человеческой культуре. Примеры последних войн, бесчеловечного терзания революционной России, побежденной Германии, Австрии, Турции - на-лицо. Основам культуры грозит гибель. Если на смену буржуазии не придет новый общественный класс, вместе с капитализмом провалятся в бездну все завоевания человеческого ума и рук. Но мы уверены, что этого не случится, так как в наличии такой новый общественный класс есть - это класс пролетариев. Уэльс не признает классовой борьбы. В одном месте своей книги он замечает иронически, что в Англии есть, по крайней мере, до 200 различных классов. При таких взглядах, конечно, ничего не остается, как надеяться на своеобразное сотрудничество капитализма с коммунизмом. В этом мы расходимся с Уэльсом. Такого сотрудничества, такой взаимной диффузии нет и быть не может. Опыт

прошлой войны, опыт войны союзников с советской Россией, наличие грандиозных классовых битв в Западной Европе, призраки новых, может быть, более грозных военных "конфликтов", чем были предыдущие, - все это не дает никаких оснований разделять оптимизм Уэльса.

Иной читатель, может быть, возразит: а к чему сводится теперешнее положение вещей, когда, с одной стороны, советская Россия отбила атаки мирового капитала на бесчисленных фронтах, а, с другой стороны, вынуждена давать концессии иностранному капиталу, т.-е. насаждать государственный капитализм, - разрешать в известных пределах свободу торговли, т.-е. тоже допускать капитализм? Разве это не сожительство, не своеобразная диффузия, тем более, что дело идет о признании советской России со стороны ряда буржуазных государств, т.-е. тоже об уступках с их стороны.

Советская Россия живет в капиталистическом окружении. Она вынуждена идти на сделку с мировым капиталом. Мировой капитал тоже вынужден идти на сделку с ненавистным коммунизмом. Это так. Но эта взаимная вынужденность получилась только потому, что ни с той, ни с другой стороны не оказывается пока сил, достаточных для решительной и окончательной победы, и потому это совсем не то сожительство, на которое надеется Уэльс. Два стана, два смертельных врага по-прежнему стоят друг против друга во всеоружии, следя за каждым движением противной стороны. И самое "сожительство" они стараются использовать для победы одной стороны над другой. Английский капиталист полагает, что ему "мирным" путем удастся разложить советскую Россию, а потом можно будет прибегнуть и к более решительным методам ликвидации. Коммунизм со своей стороны полагает использовать "передышку" для новой мобилизации материальных и духовных сил советской России и рабочих всех стран для решительной схватки со старым миром. Тут только стратегические маневры, обходы с флангов, а не мирное вращение капитализма в коммунизм и

#_291

обратно*1. Коммунистическое общество может быть построено только на основе завоеваний техники, науки и искусства прошлого, в том числе в первую голову капиталистического общества. В этом смысле мы также за "цивилизацию", также боимся ее гибели - но это совсем не то, о чем мечтает Уэльс.

Мысли и мнения Уэльса, высказанные им в книге о России, весьма характерны для очень большого кадра лучших представителей сходящего со сцены общества. Так всегда бывает, когда старый мир уступает место новому. Появляются люди, связанные со старым своим прошлым: воспитанием, бытом, привычками, вкусами. Но у них хватает достаточно смелости, ума и честности, чтобы отрешиться от животного страха пред этим новым, увидеть своевременно, что старое разлагается и гниет, а в новом - будущее человечества. Это - Савлы, превращающиеся в Павлов.

Одни из них уже пришли в Дамаск, другие по дороге к нему. Мы не

хотим пророчествовать относительно Уэльса: это скучное и бесплодное занятие. Но нужно сказать: в России пред умственным взором Уэльса прошли видения нового мира... Уэльс еще верит, что "путем планомерной системы воспитания общества, существующий экономический строй может цивилизоваться и превратиться в коллективистический" (стр. 87), но он благодаря новым видениям уже знает, что "единственное правительство, которое может не допустить Россию до окончательной гибели - это правительство большевистское" (стр. 92); он знает также, что коммунизм может быть творческой силой. Между прочим, в своей книге Уэльс заявляет, что этому сознанию он обязан В. И. Ленину, с которым он имел полуторачасовую беседу.

Отзыв его о Ленине вообще интересен: "Благодаря Ленину, - пишет он, - я понял, что, несмотря на Маркса, коммунизм может быть творческой, созидательной силой... Для меня было прямо отдыхом поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком, открыто признающим всю громадную трудность и сложность задач, стоящих пред коммунизмом... Пред ним носят видения нового мира, задуманного и построенного на новых началах и совершенно непохожего на старый" (86-87 стр.).

Вопрос о гибели цивилизации и культуры в атмосфере разлагающегося капитализма тревожит не только Уэльса, но целый ряд других ученых, художников и "общественных деятелей" из буржуазного стана. Лучшие из них начинают уже прозревать и понимать, что без торжества коммунизма человечество одичает и выродится. Русские же белогвардейцы, писавшие об Уэльсе, лишний раз показали, что кроме лозунга "жрать и вешать" они не в состоянии ничего иного воспринять.

В заключение можно сказать: мы, коммунисты, можем быть довольны результатами поездки Уэльса в советскую Россию. Советская Россия, несмотря на всю разруху, завоевала Уэльса. Это совсем недурный результат.

---

*1 О "созительстве" и "сотрудничестве" см. статью тов. Ленина "О продовольственном налоге".